В диссертационный совет 24.2.336.03, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 7, стр. 22, зал Диссертационного совета

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Сенокосова Александра Анатольевича
на тему «Оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений в условиях развития цифровых технологий», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Москва. 2025. – 253 с.)

Диссертационное исследование Сенокосова Александра Анатольевича, представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвящено актуальной для науки и практики уголовного процесса проблематике, а именно вопросам оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему в современном уголовном процессе, находящемуся под активным влиянием на его отправление эпохи цифровых технологий.

Известная максима, что от функции защиты прав граждан, в особенности в уголовном судопроизводстве, вообще не может быть освобожден ни один государственный орган, полностью коррелируется с положениями статьи 2 Конституции Российской Федерации, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства.

Вместе с тем, когда речь идет конкретно о потерпевшем от преступления, то применительно к этому участнику уголовного судопроизводства есть основания говорить, что государство не смогло превентивно обеспечить его физическую, имущественную, интеллектуальную и (или) моральную безопасность, что *a priopri* требует от государства конкретных действий, направленных на обеспечение доступа потерпевшего к правосудию в целях восстановление его прав и социальной справедливости.

В силу статьи 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Вместе с тем не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что интерес потерпевшего в уголовном судопроизводстве далеко не всегда совпадает с логикой тех, кто ведет публичное уголовное преследование от имени государства.

Как справедливо отмечает Л.В. Головко, при публично-правовой форме организации уголовного процесса в Российской Федерации, «являющейся высшим его достижением и результатом сложной многовековой эволюции, активное участие в уголовном процессе частных лиц допускается лишь в определенных пределах, с учетом приоритета публичного интереса и без утраты государственной монополии на процессуальную власть во всех ее проявлениях»[1], так как преступление не является частноправовым деликтом, а представляет собой общественно опасное деяние.

В этой связи актуальность темы диссертационного исследования А.А. Сенокосова не вызывает каких-либо сомнений, так как во всех случаях всестороннее изучение механизмов обеспечения и способов реализации оказания юридической помощи потерпевшему, осуществляемой к тому же в эпоху гипертрофированного и порой сложно контролируемого развития цифровых технологий, требует глубокого осмысления и формирования объемного понимания позитивных возможностей их использования для достижения двуединого назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ.

Автором исследования справедливо отмечается, что «цифровые технологии и цифровая информация – явления новые, только начавшие внедряться в него, в связи с чем законодательное оформление и закрепление цифровых технологий в этой сфере не носят системного характера» (с. 5 диссертации), что является дополнительным подтверждением актуальности темы диссертационного исследования.

При изложенных выше обстоятельствах нами отмечается, что цель диссертационного исследования А.А. Сенокосова (с. 9 диссертации) находится в системной и логической корреляции с доводами об актуальности исследуемого вопроса и формирует возможность полноценного научного исследования в рамках заявленной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Об этом же свидетельствует и круг задач, которые были поставлены и решены автором в диссертации, а именно: 1) проанализированы международно-правовые основы права потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи, установленные международными источниками права стандарты квалифицированной юридической помощи потерпевшему, а также зарубежный опыт законодательной регламентации права потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве; 2) изучено понятие «право потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь» в российском уголовном процессе и

---

[1] См. Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. М.: Издательский дом «Городец», 2022. С. 342.

определено его место в системе гарантий прав личности; 3) выявлены авторские признаки субъектов и критерии оказания потерпевшему квалифицированной юридической помощи, сформулирована авторская дефиниция «оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему от преступления»; 4) раскрыто содержание оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему и проведен анализ его основного механизма - профессионального представительства; 5) установлены особенности оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений, обусловленные правовым статусом получающего ее субъекта; 6) рассмотрено действующее нормативно-правовое регулирование влияния развития цифровых технологий на оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений, выявлены его отдельные недостатки; 7) сформулированы предложения, оптимизирующие нормативно-правовую регламентацию и совершенствующие практику оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему в условиях развития цифровых технологий.

Диссертантом обоснованно и мотивированно отстаивается позиция о безусловной взаимосвязи между квалифицированной юридической помощью потерпевшему и субъектом ее оказания, которым, в рамках позиции А.А. Сенокосова, является именно адвокат (с. 14, 16, 32, 46, 59-62 и далее по тексту диссертации).

Обоснованности этого положения диссертации способствует правовой анализ международно-правовых основ прав потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи, данный диссертантом через призму универсальных требований всемерной защиты прав потерпевшего, отраженных в многочисленных, пусть в ряде случаев и рекомендательных, но фундаментальных международных актах, таких как Принципы и руководящие положения Организации Объединенных Наций (с. 21-25 диссертации), Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», Салвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы, Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества (с. 26 диссертации) и др.

Обращает на себя внимание обоснованный вывод, изложенный в диссертации, что усиление политизации, а, добавим от себя, в отдельных случаях и фактической «приватизации» сущностного наполнения понимания прав человека, демократических процедур и государственного суверенитета, в международных наднациональных структурах формирует тенденцию к снижению эффективной коммуникации международных институций, осуществляющих защиту и охрану прав человека с

государствами, формирует необходимость их обеспечения в ситуации политико-правовой турбулентности (с. 30 диссертации).

Необходимо отметить подход соискателя, предпринявшего попытку обоснования научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, через сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования оказания юридической помощи потерпевшему в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Таджикистан (§ 2 Главы 1 диссертации). Автором обоснованы выводы о схожести нормативного регулировании в указанных государствах, процессуальных гарантий и правовой природы юридической помощи потерпевшему, а также сделан вывод о целесообразности использования опыта приведенных государств для оптимизации российского нормативно-правового регулирования в исследуемой области правоотношений, частные примеры которого указаны соискателем уже в § 2 Главы 3 (с. 138-171 диссертации).

К новизне научных положений можно отнести и проведенный соискателем теоретико-правовой анализ особенностей оказания юридической помощи в уголовном производстве, зависящей от правового статуса лица, ее получающего, а именно физического или юридического лица (§ 3 Глава 2, с. 90-109 диссертации). Диссертантом отмечается, что «паритет процессуальных полномочий не предполагает тождественности законных интересов потерпевших-физических и потерпевших-юридических лиц, что в свою очередь определяет разность содержания деятельности профессионального представителя потерпевшего-физического лица и профессионального представителя потерпевшего-юридического лица», которое обусловлено разностью защищаемых законных интересов и прав, а также особенностями субъекта, которому оказывается квалифицированная юридическая помощь (с. 108-109 диссертации).

Глава 3 диссертации в полном объеме посвящена взаимосвязи механизмов и способов оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему в условиях бурно развивающихся цифровых технологий. Соискателем приводится вся «палитра» мнений относительно роли и значения цифровизации для решения уголовно-процессуальных проблем (с. 111-114 диссертации), дается подробный анализ новелл отечественного уголовно-процессуального законодательства, а именно ст. 189^1, 474^1 и 474^2 УПК РФ, которые логично увязаны с результатами проведенного соискателем эмпирического исследования, в ходе которого проведено анкетирование 126 следователей, 84 прокуроров и 114 адвокатов (с. 13 диссертации, Приложение 1-6 диссертации).

Содержание диссертации свидетельствует, что теоретические положения, нормотворческие предложения и доводы по совершенствованию практической

деятельности обладают признаками научной новизны и представляют в своей совокупности завершенную авторскую концепцию оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений в условиях развития цифровых технологий.

Дополнительно научная новизна и оригинальность работы А.А. Сенокосова заключается в том, что она является редким монографическим исследованием, посвященным попыткам формулирования дефиниции «оказание квалифицированной юридической помощи» именно жертве преступления, а также правовым механизмам и способам реализации деятельности такого профессионального участника уголовно-процессуальных правоотношений, который через свой субъективный профессиональный статус наделяется эксклюзивным правом на оказание потерпевшему по уголовному делу квалифицированной юридической помощи. Особенно важно, что данная деятельность независимого профессионального советника по правовым вопросам, в ситуации ее реализации в качестве представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, увязана автором исследования с меняющейся действительностью, обусловленной внедрением во все сферы нашей жизни развивающейся сферы цифровых технологий.

Научная обоснованность, достоверность и аргументированность выводов, сделанных по результатам диссертационного исследования, обусловлены, как уже отмечалось выше, полученными эмпирическими данными. Помимо анкетирования профессиональных участников уголовного судопроизводства, диссертантом изучены правотолковательные решения Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, 117 приговоров районных и городских судов, статистические данные, содержащиеся в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по вопросам защиты прав потерпевших от преступлений за 2018-2023 годы, статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности за 2018-2024 годы и сводные статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018-2024 годы, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования А.А. Сенокосова могут иметь и практическое значение для совершенствования законодательного регулирования процессуальных полномочий адвоката-представителя в уголовном процессе, позволяющих *post delictum* обеспечить реальный доступ потерпевшего к правосудию для восстановления справедливости и своих прав.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности его использования для последующих научных изысканий как по

проблематике реализации и обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи жертве преступления, так и по вопросам конкретизации процессуальных возможностей адвоката-представителя в уголовном судопроизводстве, развивающемся в условиях очевидного влияния постоянно совершенствующихся цифровых технологий.

Кроме того, обоснованные в диссертации положения могут использоваться в образовательном процессе высших учебных заведений юридического профиля, в законотворческой деятельности в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а также законодательства, регламентирующего деятельность адвоката-представителя в Российской Федерации.

Достоверность выводов диссертанта подтверждена путем их доведения до широкой научной общественности на шести международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях и форумах в городе Москве (2023–2024 гг.), наличием шести публикаций, четыре из которых – в ведущих рецензируемых научных изданиях, отнесенных, согласно Информационному письму Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, к изданиям, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Помимо этого, результаты диссертационного исследования путем подготовки рекомендаций, которые могут быть использованы при повышении квалификации адвокатов при выполнении процессуальной функции адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, были внедрены в работу Коллегии адвокатов города Москвы «Династия», что подтверждается Актом о внедрении.

Содержание работы соответствует теме и охватывает большой круг вопросов, относящихся к проблемам реализации правомочий адвоката-представителя в уголовном процессе и влияния его роли в обеспечении восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего и справедливого возмещения ему причиненного вреда, что полностью коррелируется с конституционными положениями о гарантированном праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи (часть 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации) и правом потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на охрану этого права законом и обеспечению им государством доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Проведенное А.А. Сенокосовым научное исследование отличается хорошим уровнем общетеоретической культуры, надлежащим методологическим уровнем, а выводы

направлены на определение новых авторских путей совершенствования механизмов реализации правомочий адвоката-представителя потерпевшего в условиях развития цифровых технологий.

Вместе с тем анализ содержания диссертации позволяет высказать отдельные замечания и сформулировать ряд вопросов, ответы на которые предложить представить соискателю в ходе защиты диссертации.

1. Так, в частности, обратил на себя внимание отказ диссертанта от указания как в автореферате, так и во введении диссертации в разделе «степень научной разработанности темы исследования» ссылок на классические труды русских и иностранных процессуалистов XVIII–начало XX веков, таких как Р.ф. Йеринг, К.И.А. Миттермайер, Д.Г. Тальберг, Л.Я. Таубер, И.Я. Фойницкий, Л.Е. Владимиров и др., а также на работы ученых-процессуалистов советского и постсоветского периодов, а именно А.Л. Ривлина, Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, Ю.И. Стецковского, А.М. Ларина, М.Т. Аширбековой, В.П. Божьева, В.М. Бозрова, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Головко, И.С. Дикарева, П.А. Лупинской, Н.С. Мановой, А.Д. Прошлякова, А.В. Смирнова, Ю.В. Францифорова, Ю.К. Якимовича и многих других (с. 7-8 диссертации), которые внесли свой безусловный и весьма значительный вклад в теоретическое осмысление функций участников уголовного судопроизводства, включая потерпевшего и его представителя. При этом нами отмечается, что в тексте самой диссертации есть многочисленные ссылки на работы указанных и других ученых-правоведов. Представляется, что такой подход соискателя к формулированию раздела введения как автореферата, так и диссертации выглядит спорным.

2. Дискуссионным выглядит первое положение соискателя на защиту, в котором указывается, что «оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему от преступления – это осуществляемая в форме представительства конституционно гарантированная профессиональная деятельность адвоката, представляющая собой совокупность средств, направленных на реализацию и защиту затрагиваемых в ходе уголовного судопроизводства субъективных прав, свобод и законных интересов потерпевшего от преступления» (с. 14 диссертации). Представляется, что предложенная редакция дефиниции «оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему от преступления» через призму совокупности средств адвоката-представителя не отвечает нормативным предписаниям ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где речь ведется о полномочиях адвоката, а не о его «средствах». Кроме этого, представленное определение не учитывает диспозитивного характера многих полномочий потерпевшего в уголовном судопроизводстве. При таких обстоятельствах, по нашему мнению, более корректным было

бы указание, что адвокат-представитель, путем использования нормативно закрепленного объема своих полномочий, оказывает содействие потерпевшему в реализации им своих прав, их защите и обеспечении законных интересов потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства. Соискателю в ходе защиты диссертации предлагается высказать свое отношение к данному замечанию.

3. Крайне дискуссионным выглядит предложение соискателя наделить профессионального представителя потерпевшего правом на собирание доказательств (с. 16, 83-85, 91, 125, 162, 178 диссертации). Данное положение в том или ином виде присутствует в теле всей диссертации, вступает в противоречие с высказываемой самим диссертантом позицией об отсутствии у адвоката права на собирание именно доказательств (см. например с. 162 диссертации). Из текста диссертации очевидно просматривается, что автор разделяет позицию невозможности собирания адвокатом именно доказательств, а не сведений, предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (см. взаимосвязанные положения п. 4 ч. 2 ст. 42, ст. 45, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), однако многократно указывает на возможность такой деятельности и даже вносит предложение, ее детализирующую, а именно «собирание доказательств с использованием современных цифровых продуктов – средств аудио- и видеофиксации» (с. 16 диссертации). В этой связи соискателю в ходе защиты предлагается ответить на вопрос о возможности наделения адвоката-представителя правом на собирание доказательств без полной трансформации публично-правовой формы организации уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Применительно к § 2 Главы 1 диссертации нами отмечается недостаточно обоснованный, на наш взгляд, выбор государств, чье нормативное регулирование процессуальных правоотношений участия адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, использовано для сравнительно-правового анализа, так как по выводам самого автора исследования это регулирование имеет весьма схожее содержание, идентичные правовые гарантии и общую правовую природу. Вряд ли в качестве важного научного вывода можно рассматривать разное наименование кодифицированного акта этических правил профессии адвоката, принятых в указанных государствах. Вместе с тем как недостаток параграфа можно рассматривать отказ автора исследования раскрыть свою мысль о целесообразности использования опыта приведенных государств для оптимизации российского нормативно-правового регулирования исследуемой области правоотношений, указав конкретно, какие нормативные положения,

имеющиеся в законодательстве Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Таджикистан, но отсутствующие в отечественно нормативной базе, могли быть полезными для регулирования правоотношений, связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи потерпевшему в отечественном уголовном судопроизводстве. Точечное указание на эти моменты в последней главе диссертации, на наш взгляд, необоснованно разрывает логику повествования, делает выводы диссертанта не подкрепленными какими-либо доводами. Дополнительно можно отметить и тот факт, что содержание данного параграфа также не содержит каких-либо сведений о правовых механизмах и способах оказания юридической помощи потерпевшему через призму цифровых технологий, наличия или отсутствия в УПК указанных республик терминологии, затрагивающей понятия цифровая информация, цифровые технологии применительно к организации уголовного судопроизводства, тем более что по мнению автора такая информация и такие технологии в настоящий момент начинают получать широкое распространение в уголовном процессе.

4. Дискуссионным выглядит отнесение соискателем к правам, защищающим потерпевшего от преступления, универсального права, предусмотренного ст. 51 Конституции Российской Федерации, не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (с. 41, 49 диссертации). Не отрицая этого права у лица, которое по конкретному делу признается потерпевшим, вместе с тем отмечаем, что данное право потерпевший приобретает не в связи с совершением в отношении него общественно-опасного деяния, причинившего ему соответствующий вид вреда, в связи с чем полагаем, что ссылка на данное право, применительно к потерпевшему не вполне соответствует теме диссертационного исследования. Применительно к этому же параграфу диссертации стоит отметить, что несмотря на указание в его названии об исследовании понятия «право потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь и его место в системе гарантий прав личности», параграф не содержит, на наш взгляд, убедительной дефиниции этого понятия. Признать таковым довод, что «право потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь является гарантированным Конституцией правом на вовлечение в уголовный процесс адвоката и на получение от него квалифицированной помощи» (51 диссертации) не представляется возможным по причине его несоответствия характеристикам научного юридического понятия «как мысли, отражающей основные, важнейшие признаки правового явления или отношения, существующего между рядом явлений, как итога,

суммы добытых о нем объективных научных знаний»[2]. Аналогичные претензии будут, на наш взгляд, выглядеть обоснованно и при оценке определения соискателя содержания деятельности профессионального представителя потерпевшего при расследовании преступлений, как совокупности всех процессуально значимых действий профессионального представителя потерпевшего, совершаемых им при расследовании преступлений. Утверждение, что содержание деятельности – это действия, вряд ли претендует на безусловную научную новизну. В этой связи соискателю в рамках предстоящей защиты предлагается уточнить понятия «право потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь» и «содержание профессиональной деятельности профессионального представителя потерпевшего при расследовании преступлений».

Отдельно нами отмечается, что название § 1 Главы 2 диссертации «Оказание потерпевшему квалифицированной юридической помощи: понятие и признаки, субъекты и критерии» весьма схоже с названием § 3 Главы 1 «Право потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь в российском уголовном процессе: понятие и место в системе гарантий прав личности». Такая юридическая синонимичность затрудняет восприятие научного исследования, так как не позволяет понять, где и когда соискателем формулируется понятие квалифицированной юридической помощи потерпевшему.

5. Спорным выглядит утверждение автора, что в отличие от иного представителя потерпевшего в уголовном процессе, вступление в уголовное дело в качестве представителя адвоката не требует выполнения каких-либо определенных условий, в частности заявления соответствующего ходатайства и его последующего удовлетворения следователем, дознавателем, прокурором или судом. Данное суждение соискателя, на наш взгляд, противоречит взаимосвязанным положениям п. 2 ст. 6 и п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где указано, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, и в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый адвокатским образованием или доверенность. Аналогичным образом нами оценивается позиция соискателя, отнесшего универсальные требования к лицу, имеющему статус адвоката, как формирующие правомочия именно адвоката-представителя потерпевшего (с. 60 диссертации). Перечисляя обязанности адвоката, предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката и

---

[2] Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. М.: Юридическая литература, 1976. С. 86.

Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, диссертант, на наш взгляд, необоснованно отказывается от градации указанных в обозначенных нормативных актах положений, которые очевидно не имеют отношения к теме его диссертации, связанной с оказанием квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании уголовных дел. В этой связи указание на недопущение адвокатом делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если он ее отрицает, разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и выяснить отношение своего подзащитного к предъявленному обвинению (с. 65 диссертации), по нашему мнению, не влияют на квалифицированность оказания юридической помощи потерпевшему по уголовному делу даже в условиях развития цифровых технологий.

Применительно к доводу диссертанта, что законодатель, установив определенные гарантии квалифицированной юридической помощи, частично вывел оказание этой помощи из-под своего контроля, так как не предусмотрел механизмов проверки качества ее оказания (с. 73 диссертации), то в этой части нами обращается внимание, что механизмы и способы оценки качества юридической помощи в достаточном объеме закреплены в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики адвоката, в которых нормативно закреплена воля законодателя, поручившего органам адвокатского самоуправления, в рамках реализации, предусмотренного п. 2 ст. 3 указанного закона, принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и принципа равноправия адвокатов, обеспечивать контроль за тем, чтобы адвокат осуществлял профессиональную деятельность честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно, активно защищал права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. В этой связи соискателю в ходе защиты предлагается ответить на вопрос, в связи с чем он считает недостаточным контроль за качеством оказания юридической помощи, предусмотренный действующим законодательством, какие изъяны, влияющие на качество оказываемой юридической помощи, не устраняются нормативными предписаниями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не вполне соответствующей двуединому назначению уголовного судопроизводства в Российской Федерации выглядит сформулированная автором диссертации цель оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшему (с. 75 диссертации), которая по

мнению соискателя, «совпадает с одним из двух направлений назначения уголовного судопроизводства» [цитата] и выражается в защите прав и законных интересов организаций и лиц, потерпевших от преступлений. В этой связи соискателю предлагается сформулировать алгоритм действий адвоката-представителя в ситуации, когда представляемый им потерпевший будет не согласен с предъявлением обвинения конкретному лицу, полагая, что преступление против него совершено иным лицом.

Обращает на себя внимание некорректное цитирование автором работы позиции А.В. Смирнова о том, что представительство в уголовном судопроизводстве является заменой представляемого его представителем (с. 76 диссертации), с которой соискатель выражает несогласие. В цитируемом автором в этой части учебнике уголовного процесса под общей редакцией А.В. Смирнова далее по тексту есть фраза, что «однако в силу личного характера уголовно-процессуальной деятельности представительство в уголовном судопроизводстве, как правило, не исключает, а, наоборот, предполагает одновременное участие и представителя, и представляемого – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и др.», которая совпадает с позицией самого диссертанта (с. 77 диссертации), что формирует некоторое противоречие в позициях самого автора.

Утверждения соискателя о том, что по своему существу деятельность адвоката-представителя при расследовании преступлений является защитительной деятельностью (с. 81 диссертации), также вызывает обоснованные сомнения, так как по общепринятой максиме защита в уголовном процессе существует только там, где есть обвинение. Потерпевший для современного уголовного процесса, организованного в публично-правовой форме, был и остается субсидиарной фигурой, защита прав которого производится преимущественно через публично-правовые механизмы при условии, что частные притязания и интересы потерпевшего совпадают с публичным интересом[3]. При таких обстоятельствах формулировать деятельность адвоката-представителя именно как защитительную деятельность, на наш взгляд, не вполне обоснованно.

Не можем согласиться с позицией автора и в том, что одним из основных направлений процессуальной деятельности адвоката-представителя потерпевшего при расследовании преступлений является обеспечение законности действий других участников уголовного судопроизводства в отношении представляемого им лица (с. 84). Очевидно, что, будучи безвластным участником уголовного судопроизводства, адвокат-представитель не может обеспечивать законность действий других участников уголовного судопроизводства, тем более следователя, прокурора или суда. Полагаем, что определение,

---

[3] Головко Л.В. Указ. Соч. С. 357;

указанное в ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, что адвокат, «участвуя в судопроизводстве…должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении», гораздо точнее отражает правомочия адвоката.

6. В рамках предложений по изменению и дополнению действующего нормативного регулирования участия в уголовном судопроизводстве адвоката-представителя соискателем предлагается заменить право законного представителя на заявление ходатайства о назначении следователем, дознавателем или судом адвоката несовершеннолетнему потерпевшему, не достигшему возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 2^1 ст. 45 УПК РФ) на обязанность следователя, дознавателя или суда в этой связи обеспечить участие адвоката-представителя (с. 99 диссертации). Представляется, что такое изменение законодательства может отрицательно сказаться на реализации законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего права на свободный выбор адвоката и возникновением ситуаций, когда по уголовному делу в качестве представителя потерпевшего будут участвовать два адвоката, один по соглашению с законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего, а второй по назначению следователя или суда, что будет формировать ситуацию необоснованного дублирования процессуальных функций.

Не очень понятна позиция соискателя, утверждающего о возможности оказания адвокатом-представителем квалифицированной юридической помощи одновременно «в качестве профессионального и непрофессионального представителей потерпевшего» (с. 103 диссертации). В ходе защиты предлагается уточнить при каких обстоятельствах у лица, имеющего статус адвоката, происходит потеря профессиональной составляющей его статуса.

Не вполне корректными выглядят выводы соискателя, сформулированные на основании изучения им 57 уголовных дел, рассмотренных районными и городскими судами, в которых не выявлено случаев заявления потерпевшим-юридическим лицом исков о защите деловой репутации, что, по мнению автора диссертации, свидетельствует, что именно отсутствие адвоката-представителя потерпевшего юридического лица явилось причиной того, что потерпевший-юридическое лицо оказалось неспособным защитить свой законный интерес, заключающийся в возмещении вреда, причиненного преступлением его деловой репутации (с. 107-108 диссертации). Полагаем, что данный вывод не вытекает из представленных в диссертации результатов эмпирического исследования 57 дел, так как очевидно, что далеко не каждое уголовное дело, в котором юридическое лицо выступает в

качестве потерпевшего, связано с причинением вреда его деловой репутации, которая, по определению Г.Ю. Мордохова, является «уникальной, индивидуализирующей субъект предпринимательской деятельности характеристикой, обладающей свойством изменчивости, уникальным информационным образом, который позволяет определить отношение неограниченного круга участников рынка к субъекту предпринимательской деятельности как с положительной, так и с отрицательной стороны»[4].

7. В рамках защиты диссертации соискателю предлагается ответить на вопрос, является ли Регламент организации и порядка применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении допроса, очной ставки и опознания на стадии предварительного следствия (с. 120 диссертации) дополнением к уголовно-процессуальному законодательству или необходимость в таком регламенте, поддерживаемая автором работы, есть подтверждение позиции весьма значительного ряда ученых-процессуалистов об отсутствии взаимосвязи между уголовным процессом и цифровыми технологиями? Здесь же соискателю предлагается уточнить, каким образом им видится реализация права участников допроса, очной ставки и опознания, проведенных с использованием видео-конференц-связи, на внесение в протокол следственного действия замечаний и дополнений?

Выводы соискателя о том, что изменение сроков предоставления ответа на адвокатский запрос с тридцати суток до десяти, во взаимосвязи с доводом о необходимости увеличения адвокатской активности в направлении адвокатских запросов именно в электронном виде (форме), способно обеспечить ускорение реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, выглядит небесспорным, так как между этими действиями и предполагаемыми последствиями отсутствует прямая причинная связь, позволявшая прийти к тем выводам, которые указаны автором в диссертации.

Впрочем, несмотря на внушительный объем высказанных замечаний, стоит отметить, что большинство из них носят дискуссионный характер и не снижают оценку проведенного диссертационного исследования.

Диссертант правильно определил предмет и объект диссертационного исследования, что позволило провести комплексное научное исследование проблем, имеющих принципиально важное значение для науки и практики применения уголовного процесса, а также грамотно сформулировал цели и задачи, следствием чего явилось выполнение работы

---

[4] Мордохов Г.Ю. Деловая репутация: генезис, определение понятия, правовое регулирование // Право и экономика. 2107. № 8. С. 26-32.

на хорошем научно-теоретическом уровне. Автореферат соответствует содержанию диссертации, отражая ее основные положения.

Выводы: Диссертация А.А. Сенокосова «Оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений в условиях развития цифровых технологий» содержит решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуального права в Российской Федерации, отвечает требованиям п. 9-11, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 16 октября 2024 года), а ее автор, Сенокосов Александр Анатольевич, заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Отзыв подготовлен Соловьевым Сергеем Александровичем, научным сотрудником кафедры публичного права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», кандидатом юридических наук (кандидатская диссертация защищена по научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс).

Официальный оппонент:
Научный сотрудник кафедры публичного права
Юридического факультета Федерального государственного
Бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
кандидат юридических наук

С. А. Соловьев

«13» марта 2025 года

СОГЛАСОВАНО
Ученый секретарь ГАУГН,
кандидат исторических наук, доцент

Б. В. Яблоков

ПОДПИСИ УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник Департамента
по работе с персоналом

С. В. Алферова

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук» (ГАУГН)
119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26. Тел: 8 (499) 238-23-50. E-mail: info@gaugn.ru